

Г.В. Зыкова

Василий Андреевич Жуковский Элегия

Лирический герой элегии Жуковского

Литературный успех Жуковскому приносит перевод элегии «Сельское кладбище» английского поэта Т. Грея, опубликованный Карамзиным в 1802 году в журнале «Вестник Европы». Это стихотворение стало этапным для русской литературы, в некотором смысле — началом личностной лирики. Вл. Соловьев (философ и поэт второй половины XIX в., литературный учитель Блока) назвал «Сельское кладбище» «родиной русской поэзии».

Жанр элегии — монолог о внутренней жизни говорящего — существовал и в XVIII веке, но по-настоящему раскрыл свои возможности только тогда, когда внутренняя жизнь личности оказалась осознана как важнейшая лирическая тема. В «Сельском кладбище», а потом и в оригинальных стихотворениях Жуковского (например, в «Вечере» 1806) возникает ключевое для поэзии Нового времени явление *лирического героя*, то есть героя со своей особой судьбой и лицом, пусть и переданными несколько обобщенно.

Биография поэта начиная с романтиков может становиться фактом культуры. Именно так и происходит с Жуковским. Его творческий взлет связан с любовью к М.А. Протасовой, которая была его племянницей и ученицей. Любящим не удалось преодолеть запрет матери Маши на брак дочери с Жуковским (она считала родство слишком близким). Все эти обстоятельства сделали любовную лирику поэта глубоко трагической. И хотя подробного описания отношений с Протасовой в поэзии Жуковского нет, они определили собой большее: не отдельные стихотворения, а общий тон его лирики, мысль о невозможности земного счастья. Образ возлюбленной предельно обобщен (не случайно Жуковский нравился поэтам-символистам, например Блоку):

К востоку, все к востоку
Стремление земли —
К востоку, все к востоку
Летит моя душа;
Далеко на востоке,
За синевою лесов,
За синими горами
Прекрасная живет.

И мне в разлуке с нею
Все мнится, что она —
Прекрасное преданье
Чудесной старины,
Что мне она явилась
Когда-то в древни дни,
Чтоб мне об ней остался
Один блаженный сон.

(«Песня», 1820)

Как важнейшая тема в стихи Жуковского входят и некоторые другие факты его жизни, прежде всего *дружеские отношения* времен его юности. Например, в «Вечере» читаем:

Один — минутный цвет — почил, и непробудно,
И гроб безвременный любовь кропит слезой,
Другой... о небо правосудно!..

Жуковский не называет имен, как бы обращаясь к осведомленному читателю, он лишь намекает на какие-то драматические события, но ясно, что речь идет о реальных людях. Поэт вспоминает о «Дружеском обществе», распавшемся в 1803 году после безвременной смерти его лидера Андрея Ивановича Тургенева. Смерть юноши-поэта составляла сюжет «Сельского кладбища», написанного Жуковским еще при жизни Тургенева; удивительным образом литература «предугадала» действительные трагические события, совершившиеся в скором будущем. Во многих отношениях оригинальное стихотворение «Вечер» повторяет переводное «Сельское кладбище» (сюжет, образность и проч.), но в нем появляется небывалая человеческая достоверность переживания.

Круг друзей для Жуковского, как сказано в «Вечере», — «священный». Такое отношение к дружбе — не только личная черта поэта, но и черта его времени. В конце XVIII — начале XIX в. в Европе возникает настоящий культ дружбы. Это связано с внезапно осознанной ценностью личной жизни, не менее важной, чем жизнь гражданская. Выбор друга — выбор принципиально свободный, в котором проявляется собственная склонность и воля человека. Кроме того, дружба понималась как высокая способность человека испытывать вполне бескорыстную симпатию (в отличие даже от любви, чувства более или менее эгоистического по сравнению с дружбой). Одно из самых любимых и читаемых в то время литературных произведений — трагедия Шиллера «Дон Карлос», рассказывающая о жертвенной дружбе; не случайно именно Шиллером зачитывались члены «Дружеского общества», «о Шиллере» хочет говорить со своим другом — декабристом В.К. Кюхельбекером — лирический герой пушкинского стихотворения «19 октября 1825 года», и героями Шиллера — Доном Карлосом и Маркизом Позой — воображали себя мальчишки Герцен и Огарев. Особый смысл приобретала дружба в масонских кружках, очень важных для культуры России второй половины XVIII — начала XIX в. (к масонству, кстати, имели некоторое отношение и Жуковский, и Пушкин). Для масонов дружеское общение — коллективный поиск истины и средство самосовершенствования. На излете романтической эпохи именно высокий идеал дружбы развенчивается с последовательностью и горечью разочарования, подчеркивается книжное происхождение этого идеала, его несовпадение с жизнью. Наивный Ленский, взявший свои представления о жизни из книг, верит, что «друзья готовы / За честь его приять оковы / И что не дрогнет их рука / Разбить сосуд клеветника...», и гибнет от руки того, кого называет другом; Печорин с демонстративным цинизмом говорит о дружбе («...я к дружбе не способен: из двух друзей всегда один раб другого...»).

Еще одна из немногих, но устойчивых черт лирического героя Жуковского — то, что он поэт. Главное не в том, что у Жуковского есть отдельные стихотворения «о поэте и поэзии»: творчество определяет собой судьбу лирического героя, все его отношение к жизни: «...петь есть мой удел». Творчество «обеспечивает» жизнь поэта особым счастьем, несмотря ни на что:

Блажен, кому дано цевницей оживать
Часы сей жизни скоротечной!

(«Вечер»)

Психологизм элегии

Элегия рассказывала не о любых человеческих эмоциях, но о сложных, с трудом формулируемых, переходных состояниях, как это называли в XVIII в. — «смешанных ощущениях». Если ода или сатира воспевали «чистые» чувства восторга, гнева и проч., то элегия говорит об усложненных, парадоксальных формах душевной жизни. Психологический анализ, разработанный в романе XIX в., готовится элегической лирикой.

Для Карамзина наиболее интересным в поэтическом отношении чувством была так называемая «меланхолия»; он пытается определить ее, используя сочетания логически противоречащих друг другу слов¹:

Несчастливых счастье и сладость огорченных!..

...лучше радости, для горестных немилых...

О Меланхолия! нежнейший перелив
От скорби и тоски к утехам наслажденья!
Веселья нет еще, и нет уже мученья...

(«Меланхолия», 1800)

Сложное состояние души здесь подробно объясняется, повторяются, нагнетаясь, одни и те же мотивы, отчего парадокс лишается неожиданности. У Жуковского столкновение крайностей становится намного острее и неожиданнее:

О дней моих весна, как быстро скрылась ты
С твоим блаженством и страданьем!

(«Вечер»)

...воспомянь
О милом радостном и скорбном старины.

(«Невыразимое», 1819)

«Вечер» весь строится как смена разных душевных состояний и состояний природы. Не случайно заглавный образ — переходное время суток, вечер. Но с описания вечера — и задумчивости поэта — стихотворение только начинается. Мир Жуковского очень динамичен, и изменение освещения «сцены», на которой находится лирический герой, соответствует изменению его настроения:

Но что?.. Какой вдали мелькнул волшебный луч?..
К протекшим временам лечу воспомяньем...

А далее говорится и о будущем утре, и о «блаженстве» поэта... В стихотворении «Море» символом человеческой души становится вечно изменчивая стихия, и Жуковский пишет именно о ее движении: «лоно» моря «движется», грудь «дышит», небо «тянет» его к себе, море то «лазурное», то бьется и воет.

¹ Этот прием использовался еще в античности, и с тех пор он называется греческим словом *оксюморон* (букв. «остроумно-глупое»).